

поэму Ивана. Однако если мы задумаемся, о каком чуде идет речь, мы вынуждены будем признать, что буквальное, прямое понимание этого термина и всего связанного с ним сюжета *невозможно*. В поэме Ивана говорится, что Иисус отказался прыгнуть с храма, куда его вознес "дух самоуничтожения и небытия", чтобы не демонстрировать чуда спасения его ангельскими силами, посланными Богом-Отцом. Однако чуть раньше в поэме рассказывается, как тот же Иисус при своем появлении среди народа исцеляет слепца и воскрешает умершую девочку, т.е. творит те чудесные действия, которые он совершал и в первом своем появлении, описанном в Евангелии. Задумаемся, что является большим чудом в глазах людей: воскрешение умершего или спасение при падении с храма? Кроме того, можно вспомнить, что чуть раньше, в заставке своей поэмы, Иван с осуждением говорил о еретических движениях, отрицающих чудеса, т.е. как бы признавал законность чуда (в его традиционном смысле) в качестве основы веры.

Нужно слишком плохо думать о Достоевском, чтобы утверждать, что здесь возможна и достаточна буквальная интерпретация понятия чуда и всего сюжета с искушениями. Тем не менее подавляющее большинство тех, кто писал о Великом Инквизиторе Достоевского принимает такую буквальную интерпретацию, совершенно не замечая возникающих при этом вопиющих противоречий. Заметим также, что в Евангелии второе искушение вовсе не сводится к проблеме чуда и обоснования веры через чудо. Прыгнув с храма Христос должен был реализовать пророчество Библии и тем самым доказать свою связь с Богом-Отцом. Выдвигая в своей версии истории искушений понятие чуда, Достоевский радикально меняет ради каких-то очень важных целей смысл этой истории.

Для нас очевидно, что понятие чуда в контексте истории искушений имеет особый, совершенно нетривиальный и небуквальный смысл, и чтобы раскрыть содержание всего этого фрагмента, прежде всего необходимо раскрыть этот смысл. К счастью, в самом начале поэмы Ивана имеется ключ к разрешению этой проблемы. Здесь прямо говорится о том, *что за чудо* нужно людям и *что* может стать заменой свободной веры. Иван Карамазов так излагает своему брату начало монолога Инквизитором, обращенного к вновь сошедшему на землю Христу: "Имеешь ли ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел? – спрашивает его мой старик и сам отвечает ему за него, – нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возведишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится *как чудо*, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад" (14, 228–229; курсив мой. – И. Е.).

Почему же в сравнении с упомянутым здесь "чудом" – возвещением тайн иного мира – даже воскрешение мертвых уже не выглядит подлинным чудом? Чтобы проникнуть в смысл этой странной черты выраженного в поэме о Великом Инквизиторе мировоззрения (мы его, безусловно, приписывают самому писателю), необходимо вспомнить, как Достоевский интерпретирует идею бессмертия. Как известно, для Достоевского эта идея есть "сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества" (24, 50); и на самом деле в глубине души каждый абсолютно уверен в своей бессмертии. Но это означает, что те мучительные сомнения, которые обуревают героев Достоевского и его самого, касаются вовсе не самого факта посмертного существования, таких сомнений никто в глубине души не испытывает. Сомнения и борения веры относятся к размышлениям о том, *каково* наше посмертное (бессмертное) существование, является оно более совершенным, чем земное, или, может быть, – еще более абсурдным, чем оно. Наиболее прямо об этом говорит Ипполит Терентьев в романе "Идиот": "..я никогда, несмотря даже на все желание мое, не мог представить себе, что будущей жизни и провидения нет. Вернее всего, что все это есть, но что мы ничего не понимаем в будущей жизни и в законах ее" (8, 344).

В этом контексте становится понятным, почему воскрешение мертвых Христом не должно восприниматься как подлинное чудо. Ведь каждый из нас и так убежден в бес-